

Признаки этноса

Даже значение термина «этнос» до сих пор остается неоднозначным. В наши дни многие российские этнологи и психологи продолжают рассматривать этнос как реальную социальную группу, сложившуюся в ходе исторического развития общества (см. Андреева, 1996; Пименов, 1994). Но в мировой науке широкое распространение получил еще один подход к изучению этнических общностей: как социальных конструкций, возникающих и существующих в результате целенаправленных усилий политиков и творческой интеллигенции для достижения коллективных целей, прежде всего обеспечения социального комфорта в рамках культурно однородных сообществ (см. Тишков, 1997).

Однако для психолога важны не различия — действительно радикальные — между подходами к интерпретации этноса; не столь существенно, представляют ли этносы изначальную характеристику человечества или они созданы заинтересованными в этом идеологами. Для него более важно то общее, что есть во всех подходах — от отцов-основателей психологии народов М. Лацаруса и Г. Штейнталя до Л.Н. Гумилева — признание того, что этнос является для индивидов психологической общностью, а этническая идентичность представляет собой одну из (или даже единственную) его характеристику.

С точки зрения социального психолога, не очень важно и то, на основе каких характеристик строится осознание этнической принадлежности. В качестве этнодифференцирующих, то есть отличающих данный этнос от всех других, могут выступать самые разные характеристики: язык, ценности и нормы, историческая память, религия, представления о родной земле, миф об общих предках, национальный характер, народное и профессиональное искусство. Список этот бесконечен, в нем может оказаться и форма носа, и способ запахивания халата, как у древних китайцев. Или некоторые элементы материальной культуры, которые считают значимыми для идентификации корейцы, проживающие в Средней Азии: особая терка для резки овощей, национальный маленький столик, удлиненные подушки, машинка для резки лапши (Левкович, Мин, 1996).

Значение и роль признаков в восприятии членов этноса меняются в зависимости от особенностей исторической ситуации, от стадии консолидации этноса, от специфики этнического окружения. Этнодифференцирующие признаки почти всегда отражают некоторую объективную реальность, чаще всего элементы духовной культуры. Но отражение может быть более или менее адекватным, более или менее искаженным, даже ложным. Например, общность происхождения членов современных этносов — это красивый миф; с одной и той же территорией могут ассоциировать себя несколько

народов. Многие элементы народно-бытовой культуры сохранились только в этнографических музеях. Этнический язык может быть утрачен большинством населения и восприниматься лишь как символ единства. Так, в проведенном в Казахстане исследовании привязанность к этническому языку студентов-казахов проявилась в частности в том, что 98,1% респондентов считают его родным, хотя четвертая часть из них «русскоязычна» (Донцов, Стефаненко, Уталиева, 1997). Иными словами, этническая общность — это прежде всего общность представлений о каких-либо признаках, а не сама по себе культурная отличительность. Совсем не случайно, попытки определить этнос через ряд признаков постоянно терпели неудачу, тем более что с унификацией культуры количество этнодифференцирующих признаков неуклонно сокращается.

Итак, с позиции психолога можно определить этнос как устойчивую в своем существовании группу людей, осознающих себя ее членами на основе любых признаков, воспринимаемых как этнодифференцирующие. Рост этнической идентичности, затронувший население множества стран на всех континентах, вначале даже получил название этнического парадокса современности, так как сопутствует все нарастающей унификации духовной и материальной культуры. В настоящее время этническое возрождение рассматривается одной из основных черт развития человечества во второй половине XX века. Почти повсеместный интерес к своим корням у отдельных людей и целых народов проявляется в самых разных формах: от попыток реанимации старинных обычаев и обрядов, фольклоризации профессиональной культуры, поисков «загадочной народной души» до стремления создать или восстановить свою национальную государственность.

Но если во всем мире представители разных наук уже более тридцати лет изучают этническое возрождение, то в бывшем СССР, если верить многочисленным специалистам-обществоведам доперестроечной поры, процесс шел в противоположном направлении: национальные общности не только расцветали, но и сближались, а национальный вопрос был полностью решен. На самом деле ситуация в нашей стране не отличалась от мировой, и у многих народов наблюдался рост этнической идентичности и даже этнической солидарности. Исключение, пожалуй, составлял лишь русский народ, привилегированность которого приводила к тому, что очень многие его представители очень слабо осознавали свою к нему принадлежность и не проявляли явных национальных чувств. Так, согласно результатам этносоциологических исследований, проведенных в 1988 г., около 25% русских затруднялись ответить, что их роднит со своим народом кроме «пятого пункта» в паспорте.

Мы не будем подробно останавливаться на непсихологических причинах небывалого роста этнической солидарности большинства народов бывшего СССР, а только перечислим некоторые из них: 1) имперское колониальное наследие, в частности приоритет православной церкви даже в годы гонений на религию — когда все церкви были «плохие», православная была все-таки немного лучше; 2) преступления против человечества (депортации целых народов, репрессии против национальной интеллигенции); 3) сверхпроизвольность этно-территориального членения страны. Только 53 народа из более чем 100, проживавших на территории бывшего СССР, имели свои национальные единицы, причем была установлена их строгая иерархия — союзные

республики, автономные республики, автономные области, автономные округа. А статус национально-государственных образований и их границы очень часто определялись без учета численности и реального расселения народов.

В этой ситуации задолго до распада СССР многие этносы стремились к самоопределению, рассматривая существующий порядок как незаконный. Национальная напряженность проявлялась во многих регионах, случались и массовые выступления: например в 70-х — начале 80-х гг. они происходили в Грузии, Абхазии, Северной Осетии, Якутии. Этнографы и социологи знали, что на территории СССР существуют многочисленные узлы межнациональных противоречий, которые в любой момент могут вспыхнуть — Абхазия, Нагорный Карабах, Южная Осетия и многие другие. И все-таки кризис конца 80-х гг., когда гласность выпустила джинна из бутылки, застал всех врасплох. Кризис затронул практически все народы, населяющие одну шестую часть света, но формы его проявления, связанные с ростом этнической идентичности и этнической солидарности, крайне разнообразны.

Не подготовленными к кризису оказались не только государственные структуры, но и научное сообщество, многочисленные специалисты, занимавшиеся доказательством расцвета и сближения наций: историки, философы, социологи, демографы. Не подготовленными оказались и психологи, но по другой причине — этнопсихология в это время находилась в нашей стране в зачаточном состоянии. Этнопсихологические исследования не проводились с 30-х гг., когда их фактически запретили, прямо связывая с расизмом и национализмом.

Но если в жизни современного человека осознание своей принадлежности к определенному народу, поиски его особенностей — в том числе и особенностей психики — играют столь важную роль и оказывают столь серьезное влияние на отношения между людьми — от межличностных до межгосударственных, то совершенно необходимо изучение психологического аспекта этнического фактора. Среди множества вопросов, требующих ответа этнопсихологов, и те, которые затронуты в этой статье: каковы психологические причины роста этнической идентичности в наше время, почему именно этнические общности часто оказываются аварийными группами поддержки в ситуации острой социальной нестабильности, какие стратегии используются людьми для поддержания позитивной этнической идентичности.

В мировой науке существует несколько объяснительных концепций этнического возрождения второй половины XX века. Разные социологические школы объясняют рост этнической идентичности: а) реакцией отставших в развитии народов на порождающую этнокультурное разделение труда экономическую и технологическую экспансию народов более развитых; б) мировой социальной конкуренцией, в результате которой интенсифицируется внутриэтническое взаимодействие несмотря на унификацию материальной и духовной культуры; в) повышением влияния больших социальных групп в экономике и политике и облегчением процессов их сплочения благодаря средствам массовой коммуникации. При этом утверждается, что именно этнические общности оказываются в более выгодном положении, чем другие большие группы, например классы.

Мы не будем анализировать достоинства и недостатки этих социологических концепций, так как в любой из них, как справедливо отмечает этносоциолог А.А. Сусоколов (1990), этнос рассматривается как группа, призванная обеспечивать экономические и политические преимущества. А психолога этнос интересует прежде всего как психологическая общность, способная успешно выполнять важные для каждого человека функции: 1) ориентировать в окружающем мире, поставляя относительно упорядоченную информацию; 2) задавать общие жизненные ценности; 3) защищать, отвечая не только за социальное, но и за физическое самочувствие

Человеку всегда необходимо ощущать себя частью «мы», и этнос — не единственная группа, в осознании принадлежности к которой человек ищет опору в жизни. Среди таких групп можно назвать партии, церковные организации, профессиональные объединения, неформальные объединения молодежи и т.д. и т.п. Многие люди целиком «погружаются» в одну из подобных групп, но с их помощью стремление к психологической стабильности не всегда может быть реализовано. Опора оказывается не слишком устойчивой, ведь состав групп постоянно обновляется, сроки их существования ограничены во времени, самого человека могут за какой-то проступок из группы исключить. Всех этих недостатков лишена этническая общность. Это межпоколенная группа, она устойчива во времени, для нее характерна стабильность состава, а каждый человек обладает устойчивым этническим статусом, его невозможно «исключить» из этноса. Именно благодаря этим качествам этнос является для человека надежной группой поддержки.

Конечно, кроме этнических есть и другие стабильные большие группы. Еще больше их существовало на более ранних этапах развития человечества. В традиционных обществах и сейчас имеются группы, которые лучше, чем современные этносы, выполняют ценностно-ориентационную и защитную функции. Так, получаемая от них информация не только однородна и упорядочена, но и требует однозначного, безукоризненно точного выполнения множества обрядов, сопровождающих каждый этап жизни человека от рождения до смерти, а также всю его хозяйственную деятельность. Культуры таких групп, т.е. культуры, ориентированные на предков и традиции, великий американский этнолог Маргарет Мид назвала постфигуративными.

Современные этнические общности не имеют столь непререкаемых традиций и стабильной картины мира, многие элементы их культуры размываются — интернализируется хозяйственная деятельность, жилище, пища, искусство. Этносы в значительной степени оторваны от традиций, поведение предков не рассматривается членами группы как эталон. Согласно терминологии М.Мид, это кофигуративные культуры, в которых «...преобладающей моделью поведения для людей оказывается поведение их современников» (Мид, 1988, с.342).

Но американская исследовательница предсказывала появление еще одной культурной нормы — префигуративных культур, где не предки и не взрослые современники, а сам ребенок определяет ответы на сущностные вопросы бытия. В этом случае старшие не видят повторяющимся в жизни молодых их собственный опыт. Жизнь родителей не является моделью для детей, происходит разрыв поколений. Дети как бы

говорят родителям: ты никогда не был молодым в мире, где молод я.

В жизни современного общества можно обнаружить свидетельства того, что прогноз М. Мид сбывается. Тенденция к росту влияния сверстников на процесс формирования ценностно-нормативных ориентаций подростков и к одновременному снижению влияния семьи зафиксирована и в эмпирических исследованиях отечественных социальных психологов. Так, Е.П. Авдеевская и С.А. Баклушинский выявили достаточно яркие, хотя и не достигшие статистической значимости изменения в социальной сети московских подростков: между 1991 и 1993/94 гг. доля сверстников в ней возросла с 42% до 50%, а доля семьи снизилась с 50% до 41% (Авдеевская, Баклушинский, 1995).

Но если бы предсказание американской исследовательницы сбылось полностью, человечество исчезло бы с лица земли. Несмотря на любые инновации, человечеству, чтобы самовоспроизводиться и саморегулироваться, необходимо сохранять связи между поколениями. Не случайно, и результаты упомянутого исследования Авдеевской и Баклушинского свидетельствуют о том, что даже в условиях быстрых социальных изменений российские подростки, хотя и интенсифицируют связи со сверстниками, ориентируются прежде всего на нормы и ценности взрослых.

Более того, в современном мире наблюдается психологический сдвиг в настроениях людей — большой интерес к корням, к традициям и обычаям предшествующих поколений. Это умонастроение есть следствие международных конфликтов, опасности ядерной войны, экологической угрозы. Человек ощущает нестабильность окружающего мира, уменьшается его оптимизм и желание смотреть вперед. Все больше людей — даже молодых — склонны смотреть назад и вглубь, искать поддержку и защиту в стабильных ценностях предков. Поэтому именно межпоколенные стабильные общности, прежде всего этносы, несмотря на предсказанные М. Мид и действительно наметившиеся тенденции к их разрушению, приобретают столь существенное значение в жизни современного человека.

Итак, мы выделили одну из психологических причин роста этнической идентичности во второй половине двадцатого века — поиск ориентиров и стабильности в перенасыщенном информацией и нестабильном мире. Вторая психологическая причина лежит на поверхности и ее наличие не требует особых доказательств. Это интенсификация межэтнических контактов, как непосредственных (трудовая миграция, студенческие обмены, перемещение миллионов эмигрантов и беженцев, туризм), так и опосредованных современными средствами массовой коммуникации от спутникового телевидения до сети «Интернет». Повторяющиеся контакты актуализируют этническую идентичность, так как только через сравнение можно наиболее четко воспринять свою «русскость», «еврейство» и т.п. как нечто особое.

Психологические причины роста этнической идентичности едины для всего человечества, но особую значимость этнос приобретает в эпоху радикальных социальных преобразований, приводящих к социальной нестабильности. Именно в подобный период, переживаемый Россией в настоящее время, этнос выступает в качестве аварийной группы поддержки. В СССР и кроме этносов существовали

стабильные, могущественные группы, по отношению к которым очень многим людям удавалось сохранять позитивную групповую идентичность. При государственном социализме многие граждане СССР чувствовали себя полностью защищенными и оберегаемыми великой державой. Защиту человек, даже если он только декларировал коммунистические нормы и ценности, очень часто искал и у партии.

Но времена изменились. Нет больше великой державы — СССР, могущественной партии, славного комсомола. Человек остался один на один с нелегкой жизнью и не знает, кто он такой, на какие ценности ему ориентироваться. Как никогда ему требуется защита и поддержка, т.к. распад СССР и советской системы повлекли за собой массовый «культурный шок» и потерю устойчивой социальной идентичности (Андреева, 1997). А когда окружающий мир перестает быть понятным, начинается поиск групп, которые помогли бы восстановить его целостность и упорядоченность, защитили бы от трудностей пореформенной жизни.

И действительно, за последние годы в России появилось много новых групп, претендующих на эту роль — кришнаиты и хиппи, белое братство и рокеры. Предпринимаются попытки возродить уничтоженные за годы советской власти общности: действуют общества потомков дворян и купцов, все более активны «казачьи войска». Партии исчисляются десятками, если не сотнями. Но для большинства граждан России все эти группы не могут успешно выполнять ценностно-ориентационную и защитную функции из-за особенностей, о которых уже говорилось. Более того, очень часто эти объединения — во всяком случае на первом этапе своего существования — оказываются лишь инсценировками групп, если использовать термин, предложенный социологом Л.Г. Иониным (1996). Как он справедливо отмечает, в подобных группах превалируют внешние знаки идентификации: их члены осваивают символику одежды (сари, кожаные куртки, казачью форму), специфический жаргон, стиль движений и приветствий.

Многие люди «погружаются» в подобные субкультуры, но для большинства в период слома социальной системы необходимо «зацепиться» за что-то более стабильное, за намного более устойчивую группу. Как и в других странах, переживающих эпоху острой социальной нестабильности, в России такими группами оказались межпоколенные общности — семья и этнос. Не следует также забывать, что этническая идентичность является наиболее доступной формой социальной идентичности именно у нас в стране: самоотжествиться с «народом» для большинства граждан не составляет труда, так как советская паспортная система превратила «национальность» в расовую категорию, определяемую по «крови» (происхождению родителей), тогда как во всем цивилизованном мире это понятие означает гражданство.

С помощью осознания своей принадлежности к этносам потерявшие опору в жизни бывшие граждане бывшего СССР стремятся найти выход из состояния социальной неприкаянности и беспомощности, обрести психологическую безопасность и стабильность, почувствовать себя частью общности, которая имеет привлекательные черты. Конечно, на первых этапах и здесь не обходится без «инсценировок». При этом «новые этнические русские» (или украинцы, татары и т.п.) не так давно осознававшие

себя прежде всего как «советских» и мало задумывавшиеся о том, что их связывает с этносом кроме пятого пункта в паспорте, часто выделяют либо самые внешние знаки идентичности (национальную одежду, другие элементы оформления внешности, стиль речи), либо глубинные факторы крови, миф об общем происхождении. Так, члены русских националистических групп опираются на идеи о великом предназначении России, рассуждают, используя архиизированный стиль речи, о тайнах русской души. Доказывая превосходство своего народа с помощью самых красивых усов или самой загадочной души, люди тем самым используют и социально-психологические механизмы, которые помогают противопоставлять свой народ всем остальным и смотреть на них сверху вниз.

Речь идет прежде всего о процессах категоризации (на «мы» и «они»), социальной идентификации и социальной дифференциации, если использовать категориальную сетку английских исследователей А. Тэшфела и Дж. Тернера, получившую широкое распространение в мировой социальной психологии (Tajfel, Turner, 1986). Они выдвинули общий психологический принцип, согласно которому дифференциация (или оценочное сравнение) категоризируемых групп неразрывно связана с другим когнитивным процессом — групповой идентификацией. Или, по меткому выражению русского мыслителя Б.Ф. Поршнева — «всякое противопоставление объединяет, всякое объединение противопоставляет, мера противопоставления есть мера объединения» (Поршнев, 1973, с. 14).

Единый процесс дифференциации/идентификации приводит к формированию социальной идентичности, которая в самом общем смысле — есть результат процесса сравнения «своей» группы с другими социальными объектами. Именно в поисках позитивной социальной идентичности индивид или группа стремятся самоопределиться, обособиться от других, утвердить свою автономность.